

ЧИСЛО В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА КАК МНОГОУРОВНЕВОЙ СИСТЕМЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА СЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЧИСЛА ОТ «НУЛЯ» ДО «ДВУХ»)

Аргуткина А. А.

Военный институт в национальном университете «Львовская политехника»

Конец XX - начало XXI столетий характеризуются кризисом технологического детерминизма в науке. Гуманистическая направленность нашей эпохи определяется, с одной стороны, возрождением внимания к языковедческим идеям С.Булгакова, А.А.Потебни, П.А.Флоренского, А.Ф.Лосева, которые определяли язык как онтологическую сущность, символическую реальность, а с другой стороны, - интенсивной разработкой языковой картины мира. Языковую картину мира (ЯКМ) считают одной из специальных картин мира наряду с физико-механической, химической, мифологической и другими. Однако подобная интерпретация не отвечает действительности, поскольку современная ЯКМ претендует на интегральную и универсальную роль среди других специальных картин мира. Во всём многообразии работ, посвящённых языковой картине мира, доминирующим можно считать противопоставление двух систем понятий - научных, в совокупности образующих научную картину мира, и, -так сказать, «наивных», используемых человеком независимо от его знания тех или других научных дисциплин и владения научной картиной мира, поскольку, как считает Ю.Д. Апресян «образ мира, запечатленный в языке, во многих существенных деталях отличается от научной картины мира» [Апресян 1986: 5].

Человек в процессе жизнедеятельности создаёт концептуальную систему, представляющую идеальный образ объективного мира, что отображается в языке, в семантике языковых знаков, образуя языковую картину мира. При кажущейся простоте вопроса о характере отражения картины мира в его языковой модели исследователь сталкивается с трудностями каждый раз, когда пытается воссоздать языковую модель на конкретном лексическом материале. Так, например, Л.Н. Пелепейченко справедливо считает, что «к вопросу о воссоздании языковой картины мира следует подходить с учётом многостороннего познания мира и многоуровневого отражения действительности в языке» [Пелепейченко 2000: 87].

Язык играет активную роль, воспроизводя логическую мысленную картину мира, внося в неё своеобразные коррективы, накладывая на понимание свой след. В сознании появляется наряду с определённой системой мыслей, отражающей картину мира, языковая картина мира, сопутствующая первой, но не всегда полностью ей соответствующая. Эта лингвистическая картина варьируется от языка к языку. Поэтому механизм языкового выражения действительности не может быть единым для всех языков.

В языке закрепляются именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами [см. об этом: Телия 1986: 233]. Стереотипы, или эталоны представляют собой "своего рода константы языковой картины мира" [Роль человеческого фактора в языке 1988: 46], так как

через эти имена в концептуальную картину вплетается то обиходно-бытовое представление о мире, которое зафиксировано данным языком. Будучи связанной с языком как способом закрепления всей отражательной деятельности мышления, языковая картина мира выполняет функции означивания основных элементов концептуальной картины мира и экспликации её средствами языка. Концептуальная картина мира богаче языковой, так как в её создании участвуют разные типы мышления, в том числе и невербализованное. О правомерности данного утверждения свидетельствует множество современных лингвистических теорий, связанных с гносеологическими аспектами взаимоотношения языка и мышления. Ср. принцип лингвистической дополнительности, выдвинутый Г.А.Брутяном в противовес теории лингвистической относительности Сепира-Уорфа: «...сохраняются периферийные участки, которые остаются за пределами логического отражения, и в качестве словесных образцов вещей и лингвистических моделей отношений между ними варьируются от языка к языку в зависимости от специфических особенностей последних. Через вербализованные образы и языковые модели происходит дополнительное видение мира; эти модели дополняют нашу общую картину знания, корректируют её...» [Брутян 1968: 57].

Особую актуальность исследование ЯКМ приобрело в связи с развитием когнитивной парадигмы в современном языкознании, где язык рассматривается не только как способ материального воплощения мысли, но и как онтологический принцип осмысления бытия. Эффективным способом реконструкции языковой картины мира и того менталитета, который порождает и объясняет эту картину, является онтологическая этимология. Непосредственной целью онтологической этимологии является выявление семантической мотивировки языковых обозначений определённых концептов, в которых воплощены когнитивные процессы, лежащие в основе современных языковых картин мира.

Как отмечает Т. Харитонова, эти семантические мотивировки переплетаются с двумя лингвокультурологическими кодами: генетическим, "который описывает происхождение концепта, связанного некоторыми общими чертами с архетипами К.Юнга в их современной интерпретации", и функциональным, "который характеризует реальные черты денотата и выступает объединяющим звеном между синхронией и диахронией" [Харитонова 1998: 329].

Результат отражения окружающей нас действительности, как известно, преломляется сквозь призму языка. Это означает, что знание имеет языковой характер не только в том смысле, что язык выступает как способ осуществления знания, но и в том, что язык оставляет свой специфический след на знании. Г.А. Брутян считает, что «знание, зафиксированное в понятийном составе познающего субъекта, называется мыслительной моделью; а знание, выраженное словарным, то есть языковым багажом, называется языковой моделью» [Брутян 1976: 58].

В трансцендентной математике доказывается алгебраически, что **нуль**, умноженный на бесконечное, равняется единице. В порядке абсолютных идей **нуль** обозначает бесконечное бытие. Пифагор рассматривал этот знак (известный

со времён Вавилона, развитый в математическом смысле в основном в Аравии и Индии) как содержащий всё сущее [Словарь символов 1999: 240]. **Ноль** - это был Дао, являющийся прародителем единицы. В пиктограммах майя **ноль** был представлен космической спиралью. Слово **ноль** употребляется в терминологии точных наук: *абсолютный ноль, ноль функции, ноль-индикатор, ноль глубин*. Эта форма преимущественно используется и в температурных обозначениях (*ноль градусов, ниже нуля*), хотя в обиходно-разговорной речи в подобных сочетаниях допустимо употребление варианта *ноль*. Применительно ко времени суток, напротив, единственно нормативной формой является **ноль**: *ноль часов ноль минут*.

Варианты **ноль** и **ноль** распределены в языке по разным устойчивым словосочетаниям (фразеологизмам): рус. *ноль без палочки* (прост.), *ноль внимания* (прост.) [Фразеологический словарь русского языка 1967: 285]; *абсолютный ноль, сводить к нулю* [Фразеологический словарь русского языка 1967: 288]; укр. *вд (з) нуля, абсолютний нуль, нуль без палички, цта - нуль* [Фразеолопчний словник украшсько! мови 1993: 560]. В украинском языке не наблюдается вариативной формы числа "0". Как видно из приведённых примеров, в русском языке "**ноль**" используется в оборотах с отчётливо выраженной стилистической окраской. Определённое преимущество имеет вариант **ноль** перед формой **ноль** и при употреблении слова в переносном значении '*о ничтожном, незначительном, ничего не значащем человеке*' [Ожегов 1992: 431]: "**Мы** почитаем всех **нулями**, а **единицами** - себя". Однако и здесь допустим вариант "**ноль**": "**Я** давно уже знаю и давно говорю, что я **ноль**; с другими числами могу что-нибудь значить, один-ничего» (Вяземский. Письмо А. Тургеневу, 29.10.1817). Слово **ноль**, являясь обозначением математического знака, а не собственно именем числительным, также претерпевает ряд семантических сдвигов при функционировании, подтверждая тем самым возможность собственной языковой «жизни» слов: «...с Михалковым ещё могу кое-как разговаривать, но в сравнении с этими тузами я **ровно ноль** - погибший человек...» (Л. Толстой - С. Толстому, 7.01.1852).

Считается, что древние числительные, кроме наименований числа "1", в индоевропейских языках имеют родственные корни. В праязыке они обычно реконструируются в следующем виде: **dwo - *duwo - два; *trei - *tri - три* и так далее. Число «1» было представлено несколькими корнями: **oinos, unus, oin*. Этот же корень встречается в старославянском языке в словах типа: *инорогъ, инокъ, иноходь*; предполагается, что старославянский корень **инь** утратил своё первоначальное нумеративное значение, употребляясь в современных славянских языках в словах типа: рус. **иной**, укр. **шший, шод1, школи, шде**. Вышеприведённым корням числа "1" О.Семереньи приписывает значение '*единственный, одинокий*' [Семереньи 1980: 237].

Различное корневое выражение данного числа в индоевропейских языках породило в лингвистике неоднозначное мнение, касающееся времени происхождения числа "1". Как отмечает В.Г.Таранец, существует точка зрения,

согласно которой число "1" появилось позже других древних чисел [Таранец 1992: 18].

История числа «один» берёт своё начало в философии греков, римлян и конфуцианцев. Пифагорейцы учили, что «единица» обозначает «дух, из которого происходит весь видимый мир» [Бородин 1972: 23]. В западной традиции сама форма этой арабской цифры имела фаллическую, осевую, агрессивную, активную символику. Графическое изображение «единицы» в виде прямой черты позволяет представить реализацию двуединого образа вещи, обозначающего её целостность, в виде двух скрещённых чёрточек. Отсюда, видимо, и берёт своё начало понятие «крест», являющийся символом вечности и Вселенной [Словарь символов 1999: 84]. В представлении пифагорейцев число «один» является первичным пунктом любого вычисления, а для конфуцианцев - это выражение первичной сущности, нечто неделимое, мистический центр, из которого произошло всё сущее. В обыденном понимании число «один» - это эмблема начала, знак человеческого «я», а также одиночества.

К.Г.Юнг считает, что в «Пармениде» Платона приводится пространное обсуждение природы **Единого** («1»). Приведём некоторые из этих заключений: «... **единое** не находится ни в покое, ни в движении; **единое** не имеет отношения к времени и не занимает никакого отрезка времени; если существует **единое**, тогда оно есть все вещи и никакие вещи» [цит. по: Даурли 1999: 196 - 197]. Таким образом, Платон показывает, что **Единое** невозможно постигнуть с помощью логики или сознательных категорий времени, пространства и причинности.

Система концепта числа "один" в русском языке включает в себя следующие обозначения: **один - единый - первый - единица**. Слово **единица** в этой рассматриваемой системе приобретает смысловое понятие 'символизация Вселенной': *Сиянье длится беспресечно, текуще света от отца / от лучезарной единицы* [Сочинения Державина 1865: 256].

При анализе системы данного концепта на материале русскоязычных источников были найдены обозначения следующих смыслов:

1) образа человека; ср.: *Оставьте меня одного, / оставьте, /люблю это чудо в асфальте* [Вознесенский 1975: 26]; *Нужно знать, что **одно** значительное лицо недавно сделался значительным, а до того времени он был незначительным* [Гоголь 1973: 556] (речь идёт о начальнике Акакия Акакиевича, характеризуемом в тексте всегда неопределённо как *одно значительное лицо*, но совершающем вполне определённые поступки, имеющем вполне определённый характер);

2) убогости; ср.: *В семи дворах **один** топор* [Даль 1957: 90];

3) одинаковости или уравнивания; ср.: ***Одна** смерть правдива. На всех **одна** смерть* [Даль 1957: 286];

4) заботы; ср.: ***Одной** собирай, другою раздавай* [Даль 1957: 107];

5) идея величия, главенства; ср.: *И величаво, как приличествует, / в почтенном облаке седин / топтал страну Его Величество / топтун под номером **один*** [Евтушенко 1973: 235];

б) отчуждённости, покинутости; ср.: *О милый друг! Теперь с тобою радость /А я один - и мой печален путь...* [Жуковский 1980: 47]; *С тобой всегда я неразлучен, / О лира милая моя! /Для одиноких мир сей скучен, /А в нём один скитаюсь я* [Жуковский 1980: 248]; *И мой критический истец / в статье напишет, что, окрысясь, / в бескризиснейшей из систем / один переживаю кризис* [Вознесенский 1975: 257].

Понятие 'отчуждённости, покинутости', которое включает концепт числа "1", связано со словами русского языка *одинокий, инок, наедине*.

7) единственности; ср.: *Человеку надо мало / чтоб искал / и находил. / Чтоб имелись для начала / друг - один / и враг - один* [Рождественский 1980: 174]; *Ты будешь ждать! И меж; земных богов / Единого искать, тоскуя, бога* [Брюсов 1973: 88];

Схема «единственности» связана со словом **единый**, от которого и образовано на старославянской основе слово «**один**».

8) одиночества; ср.: *...Месяц умер, / Синеет в окошко рассвет /Ах ты, ночь! / Что ты, ночь наковёркала? /Я в цилиндре стою. /Никого со мной нет. /Я один... III разбитое зеркало...* [Есенин 1958: 36].

Символично противопоставление «человеческой» ничтожной единицы единице со многими нолями: *"8 единице нет ужаса; сама по себе -единица -ничтожество; именно - единица!.. Но единица плюс тридцать нолей образуется в безобразии пенталлиона...Да, человеческой единицею, то есть этою тощею палочкой, прожил доселе в пространствах Николай Аполлонович, совершая пробег из вековых времён - Николай Апполонович в костюме Адама был палочкой; он, стыдясь худобы, никогда ни с кем не был в бане - в вековые времена!"* [Белый 1990: 327]

Смысловое понятие 'неудачи' приобретает слово **первый**, входящее в систему концепта числа "один", ср.: **Первый** блин, да комом [Даль 1957: 60]; **Одна** корка, да и той подавился [Даль 1957: 60].

Названные смысловые понятия являются архетипическим вариантом семантики русской лексемы "один". Как отмечает В.А. Лукин, "он удостоверяет отношения изоморфизма и современной семантики слова, привнося в неё иррациональный отблеск пралогического мышления" [Лукин 1995: 305]. В этой иррациональности кроется максимум изобразительных возможностей, позволяющих, с одной стороны, описать при помощи архетипических значений все остальные, имеющиеся у лексемы "один", и, с другой, быть ансамблем значений единичности, тождества, единственности причиной и основой числа "1" и тем самым концепта числа вообще.

Дихотомия «один - много», бесспорно, одна из первых количественных дихотомий человеческого мышления, которая находит своё воплощение в различных формах. И.А. Бодуэн де Куртенэ считал, что только появление понятия числа «2» сделало возможным возникновение счёта и арифметики. В языковом мышлении **число** «2», как утверждает учёный, является числом высокого напряжения, поддерживаемого постоянно напоминающей о себе

двойственностью, парностью и противопоставленностью как в физическом, так и в общественном и индивидуально-психическом мирах [Бодуэн де Куртене 1963: 315].

. Семантика числа "2" у греков объяснялась уходом в неопределённую даль, в бесконечное. Но при этом числа определяли не только бытие, но и чувственные сущности. Это воззрение было подготовлено сведением геометрических величин к арифметическим: под «1» понималась точка, под «2» - линия, «3» - плоскость, «4» - тело. В период эпохи Возрождения К. Агриппа предложил своё объяснение числам, где **число «2»** понималось как число-антитеза.

Концепт **числа «2»** в современном русском языке входит в толкование большого числа слов; другая группа слов - это лексемы **двое, пара, парочка**. В смысловую структуру этих слов входит указание «не только на количество, но и на сами объекты - это люди, чем-либо объединённые» [Новый объяснительный словарь синонимов 1997: 66]. Семантические различия между лексемами два и двое очень тонкие, причём в ряде случаев выбор между словами определяется формальными свойствами имени существительного, обозначающего считаемые объекты, ср.: *два дня, но двое суток*. Слово **пара** указывает на то, что говорящий не настаивает на точности, ср.: *приходи, будут только родители да пара подружек*. Возможны случаи, когда данная лексема употребляется не только для указания на количество, а носит оттенок пренебрежительности, ср.: *пришлось наградить пару участников*.

Одним из синонимов **числа «2»** является слово *оба*, которое предполагает, что объекты, о которых идёт речь, уже известны адресату. Что касается собственно указания на количество, то оно находится в пресуппозиции значения и лишь подразумевается, ср.: *неверно, что в университете у неё учатся оба сына* (у неё два сына, и это не отрицается; отрицается утверждение о точном количестве тех, кто учится в университете).

Осуществлённый нами анализ художественных текстов выявил следующие смысловые понятия **числа «2»**:

1) определённого количества; ср.: *Горит моя беда, /два органа стыда - / не только для бритья, /не только для битья* [Вознесенский 1975: 268];

2) времени; ср.: *Владимир умер в два часа / И бездыханно / стояли полные глаза, /как два стакана* [Вознесенский 1975: 209];

3) название субъекта; ср.: *Двое садятся в троллейбус. / Оба - с мешками...* [Рождественский 1980: 128].

Тема двойничества находит отражение в поэзии А. Блока, она заявлена уже в самих названиях трёх стихотворений "Двойник" ("Вот моя песня тебе, Коломбина..."), "Двойник" ("Однажды в октябрьском тумане...") и "Двойнику" [см.: Блок 1978].

Так, как уже отмечалось, число «**один**» как единство и всеобщность существует до появления осознания чисел, которое требует наличия способности различать отдельные дискретные сущности. Лишь число «два» составляет первое

вещественное число, оно символизирует акт творения, возникновение эго из первоначального состояния единства [Даурли 1999: 219].

Таким образом, следует отметить, что языковая картина мира, как и язык в целом, явление сложное и многомерное: в каждом современном языке выделяется общезыковая, региональная, социальная, индивидуальная языковые картины мира. На первый взгляд кажется, что общезыковая картина мира - это собственно языковая система, а индивидуальная - речевая. Однако эти понятия соотносимы друг с другом, но не совпадающие, так как языковая картина мира - это не только языковая система, её единицы и соотношения, но и представления о мире, система выраженных в языке ценностей, которые характерны как для народа в целом, так и для каждого его представителя в отдельности. Концептуальный анализ художественных текстов выявил сходные концепты и одинаковые архетипы в содержательном пространстве ключевого имени русской культуры. Вместе с тем наблюдаются и расхождения, которые объясняются различиями в тезаурусе носителей языка, их фоновыми знаниями, то есть каждый концепт может быть по-разному расшифрован в зависимости от контекста, культурного опыта и культурной индивидуальности концептоносителя.

Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и толковый словарь // Вопросы языкознания. - 1986. - № 2. - С. 57 - 70.

Белый А. Петербург // Белый А. Сочинения / Сост. и подгот. текста В. Пискунова; Коммент. С. Пискуновой, В. Пискунова. - М.: Художественная литература, 1990. - Т.2. - С. 8 - 292.

Блок А. "...И с миром утвердилась связь": Лирика, поэмы. - М.: Воениздат, 1978. - 271с.

Бодуэн де Куртене И.А. Количественность в языковом мышлении // Избранные труды по общему языкознанию: В 2-х т. / Отв. ред. С.Г.Бархударов. - М.: Изд-во АН СССР, 1963. - Т.2. - С. 311 - 324.

Бородин А.И. Число и мистика. (О происхождении чисел и счёта). - 2-е изд. - Донецк: Донбас, 1972. - 143с.

Брутян Г.А. Гипотеза Сепира-Уорфа. - Ереван: Луис, 1968. - 66с.

Брутян Г.А. Языковая картина мира и её роль в познании // Методологические проблемы анализа языка. - Ереван: Ереванский государственный университет, 1976. - С. 57-65.

Брюсов В.Я. Собрание сочинений / Под общ. ред. П.Г. Антокольского и др.: В 7т. - М.: Художественная литература, 1973. - Т.2. - 496с.

Вознесенский А.А. «Дубовый лист виолончельный»: Избранные стихотворения и поэмы. - М.: Художественная литература, 1975. - 589с.

Гоголь Н.В. Сочинения: В 2-х т. - М.: Художественная литература, 1973. -Т.1. -600с.;Т.2. - 544с.

Даль В.И. Пословицы русского народа. Сборник. - М.: Гослитиздат, 1957. -991с.

Даурли Д.П., Эдинггер Э., Зеленский В. К.Г. Юнг и христианство / Пер. Ю. Донца, М. Завьяловой, В.Зеленского, А. Шурбелева. Научи, ред. и послес. В.В.Зеленского. - СПб.: Академический проект, 1999. - 287с.

Евтушенко Е.А. Поэт в России больше, чем поэт. - М.: Советская Россия, 1973. -335с.

Есенин С.А. Сочинения. Стихотворения. Поэмы. - Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во, 1958. - 400 с.

Жуковский В.А. Сочинения / Сост. и коммент. И.М. Семенко: В 3-х т. - М.: Художественная литература, 1980. - Т. 2. - 493с.

Лукин В.А. Концептуальный инвариант системы значений лексемы "один" // Филологический сборник к столетию акад. В.В. Виноградова. - М., 1995. - С. 300 -306.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. - 552с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - М.: Азъ Ltd., 1992.-960с.

Пелепейченко Л.Н. Многоуровневый характер отражения действительности в языковой картине мира // Вісник Львівського університету. - Серія фшолопчна. -Львів, 2000. - Вип. 28. - С. 87 - 96.

Рождественский Р.И. Семидесятые: Стихи. - М.: Современник, 1980. - 232с.

Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание / Под ред. Н.С. Чемоданова. - М.: Прогресс, 1980. - 407с.

Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С., Постовалова В.И. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебренников. - М.: Наука, 1988.-212с.

Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: В 9-ти т. -СПб.: Импер.акад. наук, 1865. - Т. 2.

Таранец В.Г. Происхождение понятия числа и его числовой реализации (к истокам индоевропейского праязыка). - Одесса: Одесский университет имени И.И. Мечникова, 1992. - 114с.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. - М.: Наука, 1986. - 242с.

Трессидер Дж. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. - М.: ФАНР -ПРЕСС, 1999.-448с.

Фразеолопчний словник украшсько! мови / Уклад. В.М. Бшоноженко та ш.: В 2-х т.- К.: Наукова думка, 1993. - Т. 1. - 528с.

Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. - М.: Советская энциклопедия, 1967. - 543с.

Харитоновна Т. Лшгвокогнггивна структура "картини свпу" // Матеріали м!жнародно! славютично! конференци пам'ят! Костянтина Трофимовича (1 - 3 квгтня 1998 року): В 2-х т. Львів: Лшшис, 1998. - Т.1. - С. 328 - 329.